

УДК 811.161.1: 81'37

СОЦИАЛЬНЫЕ СУБЪЕКТЫ: ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ

И.Е.Ким

Сибирский федеральный университет, Красноярск, kimkim@krasu.ru

Статья посвящена особенностям номинации социальных субъектов — лиц и коллективов. Наименования такого рода представляют собой неоднословные языковые выражения, структурный и семантический центр которых — существительное со значением социального статуса. Потенциальность его семантики и требует конкретизации: локализации (указания вмещающего социального субъекта), актуализации («привязки» к одному из участников прагматической ситуации) и «нулевой» конкретизации ситуативного либо контекстуального типа.

Ключевые слова: *семантика высказывания и текста, сферы, социальные смыслы, номинация, субъект, локализация*

The article is devoted to naming unit specifics of social subjects — persons and groups. Such type of names is long language expressions with structural and semantic centre which is noun-indicator of social status. Potentiality of the status makes a claim for substantiation: locating (indicating of the containing social subject), actualization (attachment to one of the parties involved in the pragmatic situation) and the «zero-substantiation» of situational or contextual type.

Keywords: text and statement semantics, fields, social meanings, naming, subject, locating

В современной лингвистической семантике сформировалось деление на семантические (номинативные) классы и семантические сферы. Последние, в отличие от классов, дифференцированных по какому-либо существенному признаку, представляют собой скорее интегрирующий фактор, фиксирующий для всех реалий данной сферы некое общее свойство, характеристику, объединяющую их с реалиями других классов, но принадлежащих данной сфере, и отличающую от реалий этого же класса, но относящихся к другой сфере.

Существует несколько классификаций семантических сфер [1], из которых наименее дробная предложена Н.Д.Арутюновой [2], а наиболее сложная — пожалуй, Г.Н.Скляревской [3].

Как мне уже приходилось писать [4], социальная сфера представляет собой область специфических межчеловеческих взаимодействий, т. е. коммуникации. Коммуникативный компонент не только является составной частью взаимодействия, но и в виде знаковой составляющей присущ всем реалиям социальной сферы. Эта особенность характеризует **социальные действия, качества, восприятие, время и пространство**.

Примером **социального действия** может послужить *пощечина*, включающая не только физический аспект (нанесение удара по лицу), но и знаковый (нанесение оскорбления), вследствие чего физическая интенсивность действия (сила, скорость удара) отходит на второй план, а важным становится сам факт нанесения пощечины [5].

Важную роль в социальной сфере играет **социальное восприятие**, которое, собственно, является свидетельством того, что социальный знак прочитан теми, кому он был послан. Например, глагол *проигнорировать* фиксирует, что некое социальное действие было воспринято физически, но не социально [6].

Такая двойственность реалий социальной сферы приводит к специфическим способам их **номинации**: здесь типичны расчлененные, неоднословные языковые выражения, семантическим центром которых часто становится существительное, например: *провести реорганизацию* (социальное действие), *прекрасный работник* (социальное качество), *инженер транспортного цеха Красноярского завода цветных металлов* (социальное лицо).

Рассмотрим подробнее структуру наименований социальных реалий на примере обозначения социальных субъектов, к которым будем относить лица, т. е. социальных индивидов, и сложные социальные субъекты — коллективы.

Социальное лицо объединяет в себе нату- рального человека и его знаковую ипостась, содержанием которой в принятой социологической терминологии является социальный **статус**, который определяют как «соотносительное положение человека в

социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие отсюда взаимные ожидания поведения. Статус — это нормативная категория, и, следовательно, изучая статусные отношения, мы изучаем принципы общественного устройства, закодированные во всем богатстве нюансов естественного языка» [7]. Именно соединение «физической сущности» лица и его социального статуса является **социальным лицом**, которое оказывается способным изменять свой статус. В частности, так называемый неформальный статус всякий индивид может изменить с помощью поступка — знакового действия, в результате которого меняется отношение к индивиду других лиц. С другой стороны, у индивида есть возможность самостоятельно изменить и свой формальный статус. Об этом свидетельствуют многочисленные факты самозванства, типичные для истории России (Смутное время, история княжны Таракановой, Пугачевский бунт). Известны также и факты менее масштабного присвоения чужого статуса, что находит отражение в художественной литературе: «Ревизор» Н.В.Гоголя, «Капитан Дикштейн» М.Кураева. Способность социальных лиц самостоятельно менять свой социальный статус можно назвать **социальной рефлексией**, которая отличается от интеллектуальной рефлексии тем, что является **действием**.

Сложные социальные субъекты (ССС) представляют собой объединения лиц, также имеющие социальный статус, а кроме того, характеризующиеся внутренними отношениями, прежде всего структурой и иерархией, и владеющие или распоряжающиеся материальными объектами — предметами и пространственными объектами. При описании языкового обозначения СССР их удобно рассматривать как коллективы, а их элементы (структуру, иерархию, имущество, территорию) оценивать как нечто внешнее по отношению к людям, то, что им принадлежит (имущество и территория) или установлено в данном коллективе или по отношению к нему (структура и иерархия). В этом случае нет необходимости описывать СССР как субъекты принципиально иной природы, нежели лица. Как и лица, они способны проявлять социальную рефлексию, т. е. могут сами изменять свою знаковую составляющую — иерархию и структуру. Любые выборы или референдум являются социальной рефлексией — изменением, которое СССР производит со своей социальной организацией, структурой и иерархией.

Таким образом, природа социальных субъектов предполагает их сложность и амбивалентность, наличие знакового компонента, который может быть проинтерпретирован воспринимающими по-разному (что означает их нетождественность самим себе в разных социальных и коммуникативных условиях), а также способность к социальной рефлексии, самостоятель-

ному изменения собственной знаковой составляющей.

Наличие у конкретных лиц и ССС двух составляющих — индивидной и статусной — приводит к особому устройству их наименований, которые потенциально состоят из двух частей, каждая из которых может отсутствовать, если наличествует другая: группы имени собственного и группы имен нарицательных. Наричательное имя характеризует социально-типическое в обозначаемом лице, т. е. его социальный статус, а собственное имя — индивидуальное. Каждая из двух частей наименования по отношению к другой выступает в качестве своеобразного предиката, легко смещающегося в позицию приложения, ср., напр.: *Ольга Иванова — врач областной поликлиники (предикат) и врач областной поликлиники (определяемое) Ольга Иванова (приложение) и Ольга Иванова (определяемое), врач областной поликлиники (приложение).*

Структура группы имени собственного определяется ономастической системой этноса и/или государства. У наименований лиц она связана с социальной структурой семьи и других родовых образований, например кланов. Кроме того, она определяется и коммуникативной сферой [8]. У наименований ССС устройство группы имени собственного регулируется государственными нормативными актами, если наименования официальные, а также ономастическим узусом.

Основа нарицательной части наименования социального лица — имя со значением социального статуса. Ключевая роль статуса связана с особенностью функционирования обозначающего его имени, которое содержит в своей семантике потенциальность. В каждом из типов употребления эта потенциальность носит разный характер. В обобщенном или предикатном употреблении такое имя обозначает статус в чистом виде — типизированную функцию лица в идеальной структуре социума, например: *Выдают форму ему / удостоверение / выдают ему лицензию на ношение / хранение оружия / что он психически нормальный человек / это должен врач выдавать / а не какой-нибудь мулла / который выдает эти все бумажки* (Беседа в Москве (2003) — Национальный корпус русского языка ruscorpora.ru (далее — НКРЯ)). Эта функция характеризуется набором идеальных же действий (одно из которых для статуса врача, по мнению автора приведенного выше высказывания, — выдавать справку о психическом здоровье) и идеальным поведением.

При употреблении в сочетании с качественными прилагательными имена статусов обозначают социальные свойства, например: *Разговор этот, само собою разумеется, не принес той пользы, которой от него ждал доктор Крупов; может быть, он был хороший врач тела, но за душевные болезни принимался неловко* (А.И.Герцен. Кто виноват? — НКРЯ). Сочетание с оценочным или качественным прилагательным меняет характер потенциальности. Значение возможности и обязанности совершать определенный круг действий сменяется в таком употреблении значением способности совершать такие действия, что,

собственно, и является социальным качеством [9]. Референтное, идентифицирующее употребление такого имени служит для обозначения конкретных лиц, например: *Наконец один врач сказал мне «по секрету»: «У тебя, дорогая, всё в порядке»* (В.Стрельникова. Опять акробатика, милый? // «Даша». №10. 2004 — НКРЯ). Для референтного употребления имен статусов необходима их конкретизация, связанная с системой отношений между субъектами, которые могут быть двух типов.

Первый из них назовем социальной локализацией, поскольку части наименования этого типа характеризуются отношениями вхождения. Эту часть наименования можно представить в виде цепочки, в которой каждый предшествующий элемент вложен в последующий, ср., например, *Наверное, только убедительной просьбой к главе администрации Бирилюсского района В.В.Белене проявить внимание к проблемам этого мужественного человека и оказать ему любое возможное содействие* (Красноярская газета, 6.11.2001). Если сложных социальных субъектов представить как множества лиц, то глава является частью администрации, а последняя является частью района. Возможна и конъюнкция нескольких таких именных групп, если лицо является частью сразу нескольких сложных социальных субъектов, не связанных между собой отношениями вложения; например: *Певец, народный артист СССР, депутат Госдумы Иосиф Кобзон отмечает 72-летие* (<http://www.runewsweek.ru/news/society>). Каждый вмещающий социальный субъект можно представить как социальное пространство, поэтому мы используем термин «локализация». Как видим, основным средством локализации является существительное в родительном падеже. В этом же качестве может выступать относительное прилагательное: *Подмосковный губернатор даже написал предисловие к произведению, в котором назвал его появление «очень своевременным... и полезным всем, кого интересует судьба земли Российской»* (Известия, 22.12.2002 — НКРЯ).

Возможна локализация и собственных имен — с помощью существительного в именительном падеже в скобках или в форме местного падежа с предложением из, например: *Лидия Кузьминична Перепелица (Дивногорск) прислала интересную аналитическую статью, в которой делится своими впечатлениями от передачи В.Познера* (Красноярская газета, 6.11.2001 — НКРЯ); *В итоге первое место занял Даниил Иванов из Каменск-Уральского* («Московский комсомолец» в Саранске. 23.12.2004 — НКРЯ). Однако, поскольку зависимые предложно-падежные формы и тем более часть предложения в скобках обладают меньшей «силой» связи с определяемым существительным, чем форма родительного падежа или прилагательное, вопрос о том, входит ли локализирующая форма в состав наименования, не имеет ясного решения.

В наименованиях ССС в качестве средства локализации также используется относительное прилагательное или существительное в родительном падеже, например: *Владимирский «Завод «Автоприбор» в настоящее время является одним из крупнейших производителей комплектующих изделий для авто-*

сборочных предприятий России, стран СНГ и ближнего зарубежья (<http://www.pbaconsult.com>); — *От поселкома прислали, — откликнулся Мишика. — Или непосредственно от дирекции комбината. — Я и говорю — забота о живом человеке* (Георгий Владим. Верный Руслан (1963 — 1965) — НКРЯ).

Второй тип — актуализация — характеризует связь социального лица с другим лицом или лицами, для которой Ю.Д.Апресян нашел термин «личная сфера» [10], а В.С.Храковский и А.П.Володин использовали понятие сопричастности [11]. Это особое отношение, которое формируется в психике например: *Это вот наша староста Танька Пирогова* (Разговорная речь Красноярска. 2000. Архив автора); *Я тебя спрошу словами твоего инженера в его письме: что значит — любить?* (Сергей Семенов. Наталья Тарпова (1927) — НКРЯ). *Папин заведующий отделом Дмитрий Максимович и его жена Вера Сергеевна приходили к нам чуть ли не каждый вечер* (lib.ru/PRIKL/KISELEW_W/dewochka_i_pticelet.txt Pi ece40.07). Актуализация такого рода предполагает «привязку» социального лица к говорящему, слушающему или лицу (лицам), связанному с одним из участников прагматической ситуации отношением сопричастности, поэтому она аналогична личному дейксису [12]. В качестве средств актуализации используются притяжательные местоимения и прилагательные (реже относительные прилагательные) или форма родительного падежа существительного.

Социальная локализация — принадлежность официальной коммуникативной сферы, а актуализация связана с бытовой, повседневной сферой общения.

Возможно также, что актуализация и локализация должны осуществляться и во времени, но в отличие от глагольной предикации этот параметр менее существен, чем пространственная/личная конкретизация, и поэтому факультативен. Время нахождения субъекта в статусе выражается лексически или пользуется системой умолчаний: отсутствие указания на время означает настоящее — время коммуникации — или относительное время с отсылкой к времени обозначаемого события. Например, Б.Рассел обсуждает фразу *Нынешний король Франции лыс* [13], а П.Стросон, полемизируя с ним, анализирует предложение *Король Франции мудр* [14], тем самым показывая логическое тождество этих двух высказываний. Отсутствие временного актуализатора *нынешний* не приводит к изменению референции именной группы, т. е. «нулевой» показатель времени тождествен показателю настоящего времени.

В таком случае можно считать редуцированными однословные наименования социальных лиц и СССР, характерные для разговорной речи и ее имитации в языке художественной литературы, например: *А вместо этого мэр* (какого города? — города, в котором живет автор высказывания) *строит фонтаны* (Разговорная речь Красноярска. 2000. Архив автора); *Квартирка однокомнатная, от завода* (какого? — на котором работает герой произведения) *дали, вода горячая-холодная* (И.Грекова. Перелом (1987) — НКРЯ). Такие наименования встречаются и в других

функциональных стилях современного русского литературного языка, например в художественно-публицистическом, как правило, в заголовках и не в первых абзацах текста, ср.: *Губернатор открыл сезон дорожных работ в Тюмени* (заголовок; <http://www.vsluh.ru/news/politics/15925.html>). Ср. также: *Директор Субботин* (заголовок) <...> *Новому начальнику стройки и директору завода было 32 года* (3-й абзац) <...> *В Красноярске новый директор принял не богатое наследство* (13-й абзац) (<http://www.memorial.krsk.ru/Public/00/200011.htm>).

В каждом из случаев редукция наименования носит свой характер. В заголовке однословное наименование служит для сокращения длины заголовка и придания ему экспрессии, что соответствует функциям этой структурной части текста. В середине и конце текста такое наименование представляет собой контекстуально обусловленный неполный лексический повтор. А в разговорной речи наблюдается ситуативно обусловленная редукция полного наименования.

Таким образом, можно наблюдать два типа конкретизации социального статуса в нарицательной части наименования социальных субъектов. **Социальная локализация** представляет собой включение социального субъекта в состав другого социального субъекта, имеющего точное и независимое от участников коммуникативной ситуации или других индивидов расположение на «социальной карте» мира. **Социальная актуализация** связывает носителя социального статуса с участниками прагматической ситуации или людьми, входящими в их личную сферу. В этом случае необходимо различать причины редукции наименования социальных субъектов: она может быть вызвана, с одной стороны, условиями контекста, а с другой, — ситуативными факторами.

1. См., например: Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык» / Краснояр. ун-т. 2-е изд. Красноярск, 1994. С.12-13; Яценецкая М.Н., Лебедева Н.Б. Лексическое значение и семантические категории языка // Семантические вопросы словообразования: Значение производящего слова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. С.81-90; Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной модели языка. М.: Изд-во МГУ, 2000. С.138-139.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. 4-е изд. М.: Едиториал URSS, 2005. С.94.
3. Складаревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. С.67 и далее.
4. Ким И.Е. Социальная сфера в русской языковой картине мира // Ермаков С.В., Ким И.Е., Михайлова Т.В., Осетрова Е.В., Суховольский В.Г. Власть в русской языковой и этнической картине мира. М.: Знак, 2004. С.89-154.
5. Подробнее см. в статье: Ким И.Е. Социальное действие в русской обыденной психологии // Бюллетень клуба конфликтологов. Красноярск, 1999. Вып.7. С.54-56.
6. Ким И.Е. Социальное восприятие и его языковая модель // Вестник НГУ. Сер.: История, Филология. Т.1. Вып.1: Филология / Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск, 2002. С.85-91.
7. Карасик В.И. Язык социального статуса / Ин-т языкознания РАН. Волгогр. пед. ин-т. М., 1992. С.3.
8. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. С.173-178.
9. Более подробно о выражении социальных качеств см.: Ким И.Е. // Известия Урал. гос. ун-та. 2005. №39. С.163-175.

10. Апресян Ю.Д. // Семиотика и информатика. 1986. Вып.28. С.28 и далее.
11. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука, 1986. С.231.
12. О роли личного дейксиса в выражении сопричастности и других отношений, формирующих личную сферу, см.:
Ким И.Е. // Российский лингвистический ежегодник. 2006. Вып.1(8). Красноярск, 2006. С.54-67.
13. Рассел Б.Descriptions // Новое в зарубеж. лингвистике. М.: Прогресс, 1982. Вып.13: Логика и лингвистика: Проблемы референции. С.53-54.
14. Стросон П.Ф. О референции // Там же. С.55-86.